

ЗАКОНЧИЛСЯ первый этап...

В программах смотра...

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

1961 ГОД 5 ЯНВАРЯ ЧЕТВЕРГ № 2 (1182) Цена 3 коп.

и современность

Естественно, что особое внимание...

камерного оркестра М. Вайнберга...

СМОТР ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

Симфония-поэма «Свободный Китай»...

Самой собой разумеется, что такие произведения...

Большое впечатление оставила симфонietta № 2...

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПОЧЕТНЫМ ЗВАНИЕМ! «КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK» НА ФИНСКОЙ СЦЕНЕ

ТОЛЬКО что закончился конкурс молодых вокалистов...

Отезд заместителя генерального директора ЮНЕСКО П. И. Ершова

Симфонические «Рассказы о целине»...

Изюга. Планет работы художника А. Плоскоз.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ И НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В АТМОСФЕРЕ дружбы и сердечного взаимопонимания...

Это ГОВОРЯТ издатели в новом году...

ЗНАКОМЬСЯ С ИЗДАТЕЛЬСКИМИ ПЛАНАМИ...

Заслуживает всяческого одобрения стремление «Советского издательства»...

КНИГИ 1961 ГОДА

Вопрос удовлетворения читателя остается открытым...

Такого «библиотечку» будет выпускать в новом году издательство Академии художеств СССР.

ПОД ЗНАКОМ ОБТЕКАЕМОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О стиле работы художественных советов киностудий

В редакцию пришло письмо.

«Дорогие товарищи! — пишет инженер из Курска Ю. Минин. — Как-то пишете вы о кино. Читатели мысли этого фильма я могу сказать: одна благополучно и прекрасно. Но фильм не получился. Сильно-сильно впечатляет. Наверное, потому что по своим художественным качествам он значительно хуже, чем его товарищ. Мой товарищ придерживается такого же взгляда. Насколько мне известно, и отцы критики, и нем были весьма справедливы. Не очень давно у нас в заводском клубе я видел фильм «Золотой шпатель». И там, мне кажется, хорошая работа. Правда, недостатков в нем, конечно, много. Другой же «Аннушка»...»

Первая картина сделана на киностудии «Мосфильм» — это киностудия им. М. Горького. Это наши крупнейшие мастера киноискусства. На них работают прославленные мастера киноискусства: режиссеры Г. Александров, М. Ромм, Г. Рошаль, операторы Ю. Райзинг, С. Бондарчук, М. Наплатов и другие. И немудрено, что они не могли помочь своим товарищам, неужели они не видели недостатки и недостатки в этих картинах? Удивительно, что это не так. Намного же они в этих картинах увидели. И «Золотой шпатель», и «Аннушка», и «Золотой шпатель» и, наверное, фильм на съёмках и разговорился с режиссерами и артистами, советами им, критиковали их. А что? Критики же, они остались слабыми. — вика их авторов и директоров киностудий. Должно быть, они, как вы пишете, и не в курсе на предмет, ставшая задачей сделать тотую продукцию и не особенно прислушались к советам и замечаниям.

Вот я и хочу через газету призвать киноматериаловедов, внимательно прислушавшись к советам опытных мастеров кино, не торопиться, не хватать критиков на штырьки, работая киноматериаловедом, стараться работать так, чтобы каждый советский фильм был замечательным событием для нас, зрителей.

стоялся акт его приема дирекцией. «Фильм будет смотреться», «зрителю будет смотреться эту картину», «картина смотрится». Вот фразы, которые, пожалуй, чаще всего звучали в выступлениях.

При кажущейся заботе о зрителе, при попытке предугадать его отношение к новому фильму, к зрителю было проявлено, но существу, самое худшее: пренебрежение зрителем. Слово было молчаливо подпольно, что фильм, подпольно, на поверхности, но в глубине, по сути, не раскрытым. Трудно представить себе человека, который окажется в состоянии разгадать смысл подобных определений.

«Сегодня мы можем похвалить друг друга». «В фильме все очень хорошо, прилично». «Картина интересная, во всяком случае смотреть можно». «Фильм впечатляет». Идея сценария не бесполона. — подобные фразы не говорящие формулы, а скорее, как бы, безличными («валде»). «Мне лично не нравится» (значительное рече), то и дело слышались при обсуждении сценариев, фильмом, материалах к ним. И когда разговор о творческих проблемах велся в таком тоне, авторам трудно ориентироваться в том, что им удалось, в что удалось, в чем они одержали победу, а в чем допустили ошибку. В этих случаях все сводится к не имеющим практического значения дискуссиям.

Трудно, очень трудно рождалась на студии «Мосфильм» картина «Аннушка», она оказалась в результате не возможной. Создатель ее творческой коллектив. Помощи помощи авторам были. Сценарий, а в нем материал фильма обсуждался пространно и неоднократно. Однако неопределенность, расплывчатость, слишком субъективный характер высказываний здесь судей привели к тому, что режиссер буквально возмущался, прося своих коллег хотя бы о минимальной ясности. Я благодарностью высказывался в том, что им замечания по поводу материала, — сказал В. Барнет. — Но какие-то меры против этого дискуссионного клуба надо принять, ибо ни я, ни коллектив работать не можем». И в этом была большая доля справедливости. Вероятно, очень многие режиссеры, испытывая нечто подобное, могли бы прислушаться к этому совету. В самом деле, все эти «нравится» и «не нравится», «зачувствуй» и «не зачувствуй», «впечатляет» и «не впечатляет» мало что дают художнику. А ведь от собранности своих авторитетных коллег он вправе ожидать самой квалифицированной помощи.

ИДЕТ заседание художественного совета. Обсуждается, предлагается, режиссерский сценарий. Один одобряет все а нем, другие находят в нем кое-какие недостатки, третий возражает им, считая, что отмеченные моменты, наоборот, хороши, четвертый критикует его в целом (может случиться и такое). Естественно, нельзя возразить против того, что мнения бывают противоречивыми. И поэтому нельзя, конечно, ожидать, что оценки окажутся единообразными, что все точки зрения совпадут и что в результате будет принята некая резолюция, безапелляционная и категоричная по отношению к художественной ценности произведения. Честные, принципиальные споры, споры, ведущиеся по большому счету, можно только приветствовать. В спор рождается истина.

Важно только, чтобы она, истина, все-таки родилась. Художественный совет одобряет или не одобряет произведение, он рекомендует директору принять его или не принять, он подсказывает художнику пути работы. И если одобрения, проходившие под знаком объективной неопределенности, мило что для творческих работников и руководителей киностудий, то и споры при всей их внешней остроте нередко оказываются бесполезными.

Художественный совет киностудии имени М. Горького одобряет сценарий фильма «Спасенное поколение». Один одобряет все а нем, другие, наоборот, критикуют его в целом. Вот, например,

«Немного много»

«Я ДОЛЖЕН предупредить товарищей, что я выступлю и, следовательно, не готовился». «Я не собирался выступать, поэтому заранее прошу извинения за то, что речь моя будет сбивчивой и неточной».

«Я, к сожалению, не могу очень подробно говорить о картине, потому что я картину не видел целиком». Можно припомнить десятки выступлений, и подавляющее большинство их начиналось именно так.

И действительно, речи, предвещающие таким предостережением, обычно бывали и сбивчивыми, и неточными. «Немного много натурализма», «Мы за здоровую мистику», «Мне кажется, актер чего-то здесь не доловил», «Кое-какие вещи сделаны с перебором», «Образ остался и чем-то не раскрытым».

Трудно представить себе человека, который окажется в состоянии разгадать смысл подобных определений.

«Сегодня мы можем похвалить друг друга». «В фильме все очень хорошо, прилично». «Картина интересная, во всяком случае смотреть можно».

«Фильм впечатляет». Идея сценария не бесполона. — подобные фразы не говорящие формулы, а скорее, как бы, безличными («валде»). «Мне лично не нравится» (значительное рече), то и дело слышались при обсуждении сценариев, фильмом, материалах к ним.

И когда разговор о творческих проблемах велся в таком тоне, авторам трудно ориентироваться в том, что им удалось, в что удалось, в чем они одержали победу, а в чем допустили ошибку. В этих случаях все сводится к не имеющим практического значения дискуссиям.

Трудно, очень трудно рождалась на студии «Мосфильм» картина «Аннушка», она оказалась в результате не возможной. Создатель ее творческой коллектив. Помощи помощи авторам были. Сценарий, а в нем материал фильма обсуждался пространно и неоднократно. Однако неопределенность, расплывчатость, слишком субъективный характер высказываний здесь судей привели к тому, что режиссер буквально возмущался, прося своих коллег хотя бы о минимальной ясности.

Я благодарностью высказывался в том, что им замечания по поводу материала, — сказал В. Барнет. — Но какие-то меры против этого дискуссионного клуба надо принять, ибо ни я, ни коллектив работать не можем». И в этом была большая доля справедливости. Вероятно, очень многие режиссеры, испытывая нечто подобное, могли бы прислушаться к этому совету.

В самом деле, все эти «нравится» и «не нравится», «зачувствуй» и «не зачувствуй», «впечатляет» и «не впечатляет» мало что дают художнику. А ведь от собранности своих авторитетных коллег он вправе ожидать самой квалифицированной помощи.

образ главной героини — Антонины Васильевны. По мнению некоторых, образ этот — главная удача сценария. Другие думают, что именно этот образ требует значительной доработки, что в своем настоящем виде он чересчур сух, дидактичен, лишен живых, человеческих черт. Вот еще пример. Выслушал такое соображение: сцена в лесу, когда Антонина Васильевна отговаривается в соседней колхозе за каргошкой для детей, не правдива, не нужна в картине. Существует и предметный взгляд: сцена эта очень интересна и важна. Таких примеров можно привести много.

Кто прав, к кому прислушаться, какие сделать выводы? Ведь выводы сделать необходимо. Возможно, какие-то выводы авторы и сделали, только заседание об этом ничего не известно. Авторы по традиции благодарят выступавших и заверяют их, что учтут их критические замечания. И по традиции устраняет всех присутствующих. Директор киностудии Г. Бритиков говорит: «Есть предложение: принять сценарий и предложить автору и режиссеру внести в режиссерский сценарий соответствующие поправочные коэффициенты, выданные на сегодняшнем заседании художественного совета». Принимаются, — говорит дальше сценарий.

«Работайте, — продолжает Бритиков, — чтобы художественный совет поблагодарит за участие в заседании и закрыть его».

Заседание заканчивается. Неизвестно, что имел в виду директор киностудии, произнося эти таинственные слова «соответствующие поправочные коэффициенты». Формулировка эта осталась нераскрытой, и поэтому мы не можем судить о том, почему многие цитировали и рациональные замечания так и не были реализованы в фильме.

ИЗДЕСЬ мы снова должны вернуться к письму нашего читателя. Во многом он прав. На наших киностудиях — и не только столичных — есть немало авторитетных, опытных работников, прекрасно понимающих, что хорошо и что плохо, и способных своими замечаниями, советами, предложениями влиять на идейно-художественное содержание создаваемых произведений. Воля того, именно эти опытные мастера — сценаристы, режиссеры, актеры, операторы, художники и другие члены художественных советов. И если все же практическая деятельность художественных советов часто никак не сказывается на качестве кинопроизведений, то объяснение этому следует искать в стиле, в существе работы этих советов. И не пора ли задуматься о том, как превратить художественные советы киностудий в действительно творческие организации, способствующие созданию лучших произведений киноискусства? В такой организации, где не было бы места пустословью, курению сигарет, где лавры ценности бы достигнуты. В такие организации, где каждый выходящий на трибуну не бы за свои слова моральную ответственность, где главным и определяющим был бы дух партийной принципиальности, высокой требовательности, непримиримости к недостаткам.

ЖУРНАЛИСТ.

В ЭТОМ ГОДУ — В ЭТОМ ГОДУ — В ЭТОМ ГОДУ

ЗАБЫТЫЕ ПЛАНЫ, МЕЛКИ...

И. КУПРИЯНОВ, драматург

1966 год прошел у меня в работе над сценарием «Я люблю тебя, человек». В центре его, как и в пьесе «Сим-ва», — люди труда. Новый, 1961 год я встречал с новыми героями. Кто они? Это рабочие и инженеры одного из нефтепромышленных районов России. Пьеса «Голубая лента» еще не завершена, но многие ее герои уже давно стали мне родными и близкими. Очень хочется создать в пьесе яркие образы моих современников. Сейчас я готовлюсь к новому ролику. Пока еще нельзя определиться с тем, о ком и в какой именно фильме я буду снимать. Но моя мечта — сыграть нашу современницу.

В роли моего трагического сина. Нужно было

Смоленская область. 70 рабочих и служащих совхоза «Первомайский» являются активными участниками самодеятельного народного хора. В репертуаре этого коллектива — песни советских композиторов, русские народные песни, частушки из злободневных тем. Хор часто выступает в колхозах, совхозах и рабочих клубах. На снимке: выступление народного хора. На переднем плане — доярка совхоза «Первомайский» Алла Демьянова и секретарь совхозной парторганизации Анатолий Чекуши. Фото И. РАВНИНЧИКА. (Фотокроника ТАСС.)

СОКРОВИЩНИЦА уникальных рукописей

В ЭТОТ ЗАЛ входили с благоговением. Каждый листок, каждая тетрадь, каждый альбом в нем — реликвия. Из глубины веков дошли до нас прелесть народного эпоса, гениальное творение великого поэта и писателя, композитора и живописца, гениальнейших мыслителей, пламенный борца за свободу, революцию.

В витринах, картинах, за стеклами шкафов собраны редчайшие рукописи, авторские грамоты, акты, планы, карты, рисунки и фотографии с дарственными надписями.

Мы в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

За полтора столетия существования всемирно известной библиотеки неслишком много поколений неутомимых энтузиастов собралось свыше трехсот тысяч рукописей.

Эти несметные богатства непрерывно пополняются ценнейшими экспонатами, поступающими сюда с разных концов нашей Родины. Ежегодно в отделе рукописей поступает до 500 манускриптов письменности, автографов общественных деятелей, писателей, композиторов, ученых.

Здесь хранятся памятники письменности, начертанные на египетских папирусах и индийских пальмовых листьях на первой бумаге, дошедшие в Китай, и на дошедших, склепанных восточными мастерами, пергаминах, на тончайшем тибетском шелке и бересте. Стоишь и думаешь: слова, начертанные древними, поражают ум и мысль современников, сколько горячих человеческих сердец воспевают они, сколько людей вдохновили на ратные подвиги и великие свершения, сколько вызвали благодать пороков, благородных деланий во имя блага и прогресса человечества. И это язык, склепанный нашими современниками, соприкасаясь с этими, порой полустертыми листами, уходят отсюда ослепленные современными идеями и прекрасными замыслами!

Самые старинные рукописи этого хранилища относятся к первому тысячелетию до нашей эры. Это египетские папирусы. Особую ценность представляет собрание древневосточных и русских рукописей, начиная с Сутураской рукописи, относящейся к X-XII вв. нашей эры, первого датированного памятника русской письменности — Оstromова евангелия (1056—1057 гг.), и начавшихся рукописями и автографами наших современников — советских писателей и ученых. Здесь мы видим черепитные и книги личного сбора, сборники повестей и древнейшие крошечные ноты.

Большой интерес представляет «Чистотеловая книга» Семена Федосеева — первый атлас Сибири.

Вот собственноручное письмо Петра Великого князю Долгорукому об имене Магелана, письма Феодора Протопопова и труда Ивана Давыдова «О ратном поведении», архив (40 картонов) М. М. Сперанского.

В фондах собраны рукописи русских писателей-классиков, за исключением А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, Т. Г. Шевченко, автографы которых передали в специализированные хранилища и музеи; здесь архив Державина, а тридцать переплетенных томов, половина рукописей баснописца Крылова (другая половина в Пушкинском доме). Нам покажали оригиналы бесценной повести Гоголя «Мертвые души». Между строками и на широкие поля рукописи автором внесено немало дополнений, уточнений, исправлений. Читая и точно проясняя творческую лабораторию гениального писателя, чувствуешь, как бьется авторская мысль в поисках более совершенной и точной художественной формы выражения мысли, в подборе яркого слова.

Вот альбом Лермонтова с множеством его рисунков, черновик повести «Герой нашего времени». Вот отрывок из поэмы Пушкина «О девятих Петры Великого». Надо сказать, что тут для литературоведов, историков и других исследователей большое поле деятельности, так как во многих документах руки исследователя еще не прикасались.

В хранилище сосредоточены рукописи многих русских ученых, в том числе П. П. Покровского, Менделеева, Мечникова, Миклукич-Маклая, Сеченова, Ушинского, Ферсмана. Исключительно по ценности и разнообразию коллекция альбомов, рисунков и автографов виднейших русских художников, скульпторов: Антокольского, Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Крамского, Кунякина, Репина, Рубинштерна, Сурикова, Бродяго, Острова.

Витринах, картинах, за стеклами шкафов собраны редчайшие рукописи, авторские грамоты, акты, планы, карты, рисунки и фотографии с дарственными надписями.

Мы в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

За полтора столетия существования всемирно известной библиотеки неслишком много поколений неутомимых энтузиастов собралось свыше трехсот тысяч рукописей.

Эти несметные богатства непрерывно пополняются ценнейшими экспонатами, поступающими сюда с разных концов нашей Родины. Ежегодно в отделе рукописей поступает до 500 манускриптов письменности, автографов общественных деятелей, писателей, композиторов, ученых.

Здесь хранятся памятники письменности, начертанные на египетских папирусах и индийских пальмовых листьях на первой бумаге, дошедшие в Китай, и на дошедших, склепанных восточными мастерами, пергаминах, на тончайшем тибетском шелке и бересте. Стоишь и думаешь: слова, начертанные древними, поражают ум и мысль современников, сколько горячих человеческих сердец воспевают они, сколько людей вдохновили на ратные подвиги и великие свершения, сколько вызвали благодать пороков, благородных деланий во имя блага и прогресса человечества. И это язык, склепанный нашими современниками, соприкасаясь с этими, порой полустертыми листами, уходят отсюда ослепленные современными идеями и прекрасными замыслами!

Самые старинные рукописи этого хранилища относятся к первому тысячелетию до нашей эры. Это египетские папирусы. Особую ценность представляет собрание древневосточных и русских рукописей, начиная с Сутураской рукописи, относящейся к X-XII вв. нашей эры, первого датированного памятника русской письменности — Оstromова евангелия (1056—1057 гг.), и начавшихся рукописями и автографами наших современников — советских писателей и ученых. Здесь мы видим черепитные и книги личного сбора, сборники повестей и древнейшие крошечные ноты.

Большой интерес представляет «Чистотеловая книга» Семена Федосеева — первый атлас Сибири.

Вот собственноручное письмо Петра Великого князю Долгорукому об имене Магелана, письма Феодора Протопопова и труда Ивана Давыдова «О ратном поведении», архив (40 картонов) М. М. Сперанского.

В фондах собраны рукописи русских писателей-классиков, за исключением А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, Т. Г. Шевченко, автографы которых передали в специализированные хранилища и музеи; здесь архив Державина, а тридцать переплетенных томов, половина рукописей баснописца Крылова (другая половина в Пушкинском доме). Нам покажали оригиналы бесценной повести Гоголя «Мертвые души». Между строками и на широкие поля рукописи автором внесено немало дополнений, уточнений, исправлений. Читая и точно проясняя творческую лабораторию гениального писателя, чувствуешь, как бьется авторская мысль в поисках более совершенной и точной художественной формы выражения мысли, в подборе яркого слова.

В хранилище сосредоточены рукописи многих русских ученых, в том числе П. П. Покровского, Менделеева, Мечникова, Миклукич-Маклая, Сеченова, Ушинского, Ферсмана. Исключительно по ценности и разнообразию коллекция альбомов, рисунков и автографов виднейших русских художников, скульпторов: Антокольского, Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Крамского, Кунякина, Репина, Рубинштерна, Сурикова, Бродяго, Острова.

Вот альбом Лермонтова с множеством его рисунков, черновик повести «Герой нашего времени». Вот отрывок из поэмы Пушкина «О девятих Петры Великого». Надо сказать, что тут для литературоведов, историков и других исследователей большое поле деятельности, так как во многих документах руки исследователя еще не прикасались.

В хранилище сосредоточены рукописи многих русских ученых, в том числе П. П. Покровского, Менделеева, Мечникова, Миклукич-Маклая, Сеченова, Ушинского, Ферсмана. Исключительно по ценности и разнообразию коллекция альбомов, рисунков и автографов виднейших русских художников, скульпторов: Антокольского, Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Крамского, Кунякина, Репина, Рубинштерна, Сурикова, Бродяго, Острова.

Витринах, картинах, за стеклами шкафов собраны редчайшие рукописи, авторские грамоты, акты, планы, карты, рисунки и фотографии с дарственными надписями.

Мы в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

За полтора столетия существования всемирно известной библиотеки неслишком много поколений неутомимых энтузиастов собралось свыше трехсот тысяч рукописей.

Эти несметные богатства непрерывно пополняются ценнейшими экспонатами, поступающими сюда с разных концов нашей Родины. Ежегодно в отделе рукописей поступает до 500 манускриптов письменности, автографов общественных деятелей, писателей, композиторов, ученых.

Здесь хранятся памятники письменности, начертанные на египетских папирусах и индийских пальмовых листьях на первой бумаге, дошедшие в Китай, и на дошедших, склепанных восточными мастерами, пергаминах, на тончайшем тибетском шелке и бересте. Стоишь и думаешь: слова, начертанные древними, поражают ум и мысль современников, сколько горячих человеческих сердец воспевают они, сколько людей вдохновили на ратные подвиги и великие свершения, сколько вызвали благодать пороков, благородных деланий во имя блага и прогресса человечества. И это язык, склепанный нашими современниками, соприкасаясь с этими, порой полустертыми листами, уходят отсюда ослепленные современными идеями и прекрасными замыслами!

Самые старинные рукописи этого хранилища относятся к первому тысячелетию до нашей эры. Это египетские папирусы. Особую ценность представляет собрание древневосточных и русских рукописей, начиная с Сутураской рукописи, относящейся к X-XII вв. нашей эры, первого датированного памятника русской письменности — Оstromова евангелия (1056—1057 гг.), и начавшихся рукописями и автографами наших современников — советских писателей и ученых. Здесь мы видим черепитные и книги личного сбора, сборники повестей и древнейшие крошечные ноты.

Большой интерес представляет «Чистотеловая книга» Семена Федосеева — первый атлас Сибири.

Вот собственноручное письмо Петра Великого князю Долгорукому об имене Магелана, письма Феодора Протопопова и труда Ивана Давыдова «О ратном поведении», архив (40 картонов) М. М. Сперанского.

В фондах собраны рукописи русских писателей-классиков, за исключением А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, Т. Г. Шевченко, автографы которых передали в специализированные хранилища и музеи; здесь архив Державина, а тридцать переплетенных томов, половина рукописей баснописца Крылова (другая половина в Пушкинском доме). Нам покажали оригиналы бесценной повести Гоголя «Мертвые души». Между строками и на широкие поля рукописи автором внесено немало дополнений, уточнений, исправлений. Читая и точно проясняя творческую лабораторию гениального писателя, чувствуешь, как бьется авторская мысль в поисках более совершенной и точной художественной формы выражения мысли, в подборе яркого слова.

В хранилище сосредоточены рукописи многих русских ученых, в том числе П. П. Покровского, Менделеева, Мечникова, Миклукич-Маклая, Сеченова, Ушинского, Ферсмана. Исключительно по ценности и разнообразию коллекция альбомов, рисунков и автографов виднейших русских художников, скульпторов: Антокольского, Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Крамского, Кунякина, Репина, Рубинштерна, Сурикова, Бродяго, Острова.

Вот альбом Лермонтова с множеством его рисунков, черновик повести «Герой нашего времени». Вот отрывок из поэмы Пушкина «О девятих Петры Великого». Надо сказать, что тут для литературоведов, историков и других исследователей большое поле деятельности, так как во многих документах руки исследователя еще не прикасались.

В хранилище сосредоточены рукописи многих русских ученых, в том числе П. П. Покровского, Менделеева, Мечникова, Миклукич-Маклая, Сеченова, Ушинского, Ферсмана. Исключительно по ценности и разнообразию коллекция альбомов, рисунков и автографов виднейших русских художников, скульпторов: Антокольского, Айвазовского, Брюллова, Верещагина, Крамского, Кунякина, Репина, Рубинштерна, Сурикова, Бродяго, Острова.

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ! ОБСУЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА, ВЫДВИНУТЫХ НА СОСКИВАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. Пророков. «Мать». Из серии рисунков «Это не должно повториться».

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗРИТЕЛЯ

С САМОГО начала следует оговориться, что эти заметки не претендуют на глубокий анализ, а лишь вытекают из впечатления, не без интереса побывавшего на спектакле «Иркутская история» в Театре им. Маяковского вслед за просмотром той же драмы А. Арбузова на сцене Театра им. Вахтангова.

Сама очерочность посещения театров (Вахтангова — Маяковского) — дело не преднамеренное, а чисто случайное. Но разбор драмы, вернее, некоторые замечания по ней (безусловно, не имеющие силы безапелляционных приговоров) сделать хочется, отталкиваясь именно от поставленных в ней проблем.

В спектакле — и об этом хочется сказать прежде всего — ощущается великое чего-то свежего, задорного, молодого. Сама обстановка увлекает и как бы «подхватывает» зрителя. Недаром кто-то из сидящих у переднего мостика сказал сразу после драмы Виктору: «А что, астыд да притоптало — ну-ка, барыня!» — и отплатил на этой свадьбе!

Что ж, думается, зритель этот не испортит бы картины. Ведь барьера между зрителем и автором в этом спектакле как будто не существует. Сцена вынесена в зал, являясь органическим продолжением его.

Все это вместе взятое, кажется мне, не плохо, хотя бы в порядке исключения из общепринятой сценической традиции. Формы искусства должны быть многообразны, и в этом смысле творческие поиски Н. Охлопкова заслуживают всеобщего внимания.

Но тут как и во всяком деле, должна быть своя мера, предел целесообразности, за которым — крайности и нелепости. Такому погрешности в спектакле Театра им. Маяковского, и сомнений, не возникает. Формы искусства должны быть многообразны, и в этом смысле творческие поиски Н. Охлопкова заслуживают всеобщего внимания.

Речь идет о другом. Прежде всего о непонимании радужных «штатках» хора, о группе статистов, безучастно сидящих на втором плане сцены. Мне кажется, что хор вообще ничего не приносит в толкование сюжетных ходов пьесы, и, наоборот, рассеивает внимание и ослабляет драматическую напряженность. Внутренний конфликт героя, его душевные переживания, характер раскрываются через актыва, его способность перевоплощения, умение выигрывать в образе. Владение исполнителью его сценическое дарование — единственное средство достичь понимания зрителем глубины драмы.

Как хочется, например, видеть Валю (С. Мизери) в той сцене, где она трогательно разговаривает с портретом Сергея, одну, без назойливых помощников, которые летят по рукам и справа, и слева.

«Иркутская история» в Театре Маяковского! Вы видели спектакль? Не видели? Сюжет! Обязательно посмотрите! Смотрите, обязательно! — такие разговоры можно было слышать у рабочих и служащих комбината «Трехгорная мануфактура» в цехах, в обеденных перерывах, на территории фабрики и после работы между друзьями. И те, кто не смог, шли обязательно. А кто уже смотрел этот спектакль, часто шел вместе с товарищами еще раз. Коротко говоря, спектакль «Иркутская история» просмотрели тысячи рабочих, служащих комбината «Трехгорная мануфактура», просмотрели все Трехгорка.

Иркутская история — это не просто спектакль, это явление.

Меня порадовал спор изобретательного искусства, поставленный в этом году на соскивание Ленинских премий. Все, что следит за успехами наших художников, будут рады, что в числе представителей искусства — представители искусства; и будем в высокой мере удовлетворены, если лучше из них удостоится почетной награды — Ленинской премии.

Но не споро, вызывает чувство недоумения, что «наряд» в Ленинскую премию выдвинули отдельные работы, оторванные от действительности, от жизни, от искусства, от культуры, от народа. Помнится, весной прошлого года коллегам из Ленинского комитета, в своей статье, подводя итоги присуждению Ленинских премий, правильно сказал, что ныне организуемые недостаточно ответственно подошли к выдвиганию кандидатур на соскивание высшей награды художнику в Советской стране, что выдвигание порой проводилось без должной тщательности. К сожалению, то же самое мы наблюдаем и теперь.

Мое возражение вполне конкретно: не могу понять, почему Союз художников выдвинуло на премию картину И. Чернышева «Данная Черный и Андрей Рублев». Отлично помню эту картину по выставке «Советская Россия». Что в этом произведении такого, чтобы считать его одним из первейших в минувшем году созданий наших художников? Ну, хорошо, могу согласиться, что картина обращает на себя внимание необычным истолкованием образа великого художника русской древности, но, право, я не вижу большого пользы творческой мысли в том, чтобы наделять Рублева внешностью апостола с его владимирским фреском.

Да и к чему это ведет, возмущает ли это в наших глазах великого художника Древней Руси? В живописи Рублева, при всей условности древнерусских художественных канонических, выступают живое человеческое содержание. В том и слава великого мастера, непреодолимая ценность его искусства, что даже в отвлеченных формах религиозного искусства им претворены высокие представления о современной ему жизни, о иных людях; в его творчестве — светлый, большой мир человеческого счастья. Рублев воплотил тот дух молодости и надежды, который был свойствен его эпохе — эпохе начавшего становления русского государства, и в этом — одухотворенность его творчества. Скажу строгие каноны прорывались жизнью.

Но мажор действующим лицом и зрителем все время возникает живой заостренный локучный мушкетер.

А жаль! Спектакль без этих, так сказать, аллюзий, разве что больше, чем игра большинства актеров, как мы уже говорили, исполнена проникновенной табуиной и убедительности.

Например, как выразительно Валл-Мизери, когда вспоминает о своей свадьбе и мы видим ее табуиной с потугами Сергеем. Но уже последние появления Сергея среди его живых и вышедшей кактусе изобилием.

Талантливому режиссеру Охлопкову свойственна смеливость и в выборе актеров, в это — дело великое, от него во многом зависит успех постановки. Надо сказать, Охлопков смел в выдвигании молодых дарований. И эта смелость помогает спектаклю. В удаче актерских работ — большая доля режиссера.

Например, вахтанговская актриса Ю. Борисова значительную роль в первой части своей роли — «Валькирия», убедительно проявила развитие характера своей героини. Однако, нам кажется, порой она увлекается, утрирует, сгущает краски. Глубоко выжищая в образе и одновременно где-то идущий у него на поводу Борисовой не вполне удается преодолеть силу инерции в последующих сценах. По замыслу автора, она должна здесь являть образ во многом уже переориентированного человека — матери, горячо любящей своих детей, женщины с душой сильной и энергичной. Но, глядя в эти сцены на Борисову, никак не можешь отделиться от мысли, что решение ее Валл выжило ажур за Сергея продиктовано скорее догадкой на Виктора...

Это С. Мизери сильно

поставил страстный, эмоциональный и возмущающий спектакль, который не может оставить равнодушным. Правда, это не совсем художник, а скорее актер, помогающий коллективу в себе черты коммунистического застра.

«Что человеку для счастья нужно? Чтобы дело его было хоть чуть-чуть лучше, чем он сам». Если человек настоящее дело выполняет, нужно делать и сам от него становится лучше, чем был. Люди не должны быть счастливы, это факт. Особенно те, которые коммунистически строят. Так говорил один из героев спектакля, Сергей Сергеевич. И мысль эти сквозной линией проходит через весь спектакль.

Режиссер пошел по правильному пути, заняв в постановке молодых исполнителей — С. Мизери, А. Лазарева, Э. Марцес.

От настоящего Рублева, каким мы его представляем, картина говорит против Рублева, против жизнеутверждающей сущности искусства великого мастера и его человеческой личности. В своем стремлении свести образ Рублева и иконому подобно икононым картинам черная художник утеряла суть творчества, и мы не можем быть благодарны ему за это произведение.

Вот в и не могу понять, почему картина выдвинута ныне на Ленинскую премию! Неужели товарищи из Московского отделения Союза художников не видели, что это полотно отнюдь не из тех, что несут в себе истинное богатство мысли, величие чувства, красоту мастерства, которых мы требуем от произведений искусства, представляемых на соскивание Ленинских премий? Видно, они забыли о своей большой ответственности по отношению к народу, а задний план оставили в некоем положении самого художника.

В этом смысле не уступает вахтанговскому артист А. Лазарев. Его Виктор не холодный, не шаблонный, а настоящий, из своей жизни человек, полнокровный, срываям и грубыми ошибками и в то же время проницательными внутренними силами для проясления их: в этой битве с самим собой, в которой Виктор — «Давиду удалось» — только и темперментно «оскрыть» внутреннюю сущность своего героя.

Великолепен А. Ханов. Актер играет без напряжения, он изобретателен и находчив, скупрудно дополняя и раскрывая драму даже в тех сценах, где на долю Сергеева вовсе не отпущено слов. Каждая мелочь, каждая деталь — как выдают они в Сергеева мелочью, особенно если вспомнить и его благородную сдержанность, и коммунистическую застенчивость. Разве Ханов своей игрой не убеждает, что не нужны спектаклю ни хор, ни все излишние сложности. Актер сам может нарисовать психологический портрет своего героя.

О других исполнителях можно сказать, что они достаточно хороши, а в ряде случаев играют, что называется, с огоньком.

Вот, пожалуй, и все, на что мне, артисту, хотелось бы обратить внимание.

В. АНДРЕЕВ, экономист МГК Стройбанка СССР.

С. Зайкову. Они сумели глубоко и тонко, непосредственно и горячо передать замысел автора пьесы и создателя спектакля. Нельзя не отметить образ Сергеева, созданный А. Хановым. Это действительно Бать, человек — большой бумаж, притягивающий к себе сердца.

Такие люди всегда в первых рядах, они помогают нашим большим делам.

В спектакле есть сценическое изобретение, есть блестящие режиссерские находки. Свадьба Валл с Сергеем, пляска Виктора у костра, разговор Валл с картиной Сергея и много других удачных сцен остаются в памяти зрительского зрителя. Вызволнованного потому, что зритель на спектакле Охлопкова все время живет вместе с действующими лицами, смеется и плачет вместе с ними, радуется и негодуется. Зритель принимает активное участие во всем происходящем на сцене. В этом большая заслуга театра.

В спектакле действует хор. Это люди, которые окружают нас, они являются одним из главных действующих лиц «Иркутская история» в Театре имени Маяковского — это романтический ансамблевый спектакль. Художник К. Кулешов нашел хорошее сценическое решение пьесы, удачное, он смело пользуется светом, проекцией, помогает режиссеру создать нужное настроение. Этому же способствует и музыкальное оформление спектакля И. Мизериной.

Кончая свою заметку, хочется еще раз отметить, что органическое соединение двух течений — постановщика спектакля и драматурга — создало превосходное произведение сценического искусства.

Д. СОБОЛЕВ, комбинат «Трехгорная мануфактура».

И. Чернышев, «Данная Черный и Андрей Рублев».

именно в этой последней части. Ее задушевная и проникновенная игра совершает чудо: Валл уже не та, что была прежде. Но в начале пьесы Мизери менее убедительна.

Вспомните юного Э. Марцесича в роли Гамлета! Но Гамлет, принц Датский, и Сергей Сергеевич, машинист шагнувшего экскаватора — разные образы. На мой взгляд, Марцесич для роли Сергея слишком худой, и Сергей слишком худой, и не столько доброй, сколько злой, по сравнению с другими партиями. Сергей у вахтанговца (М. Ульман) куда как энергичнее и вышестоящее. На его руку — верный — можно опереться.

В этом смысле не уступает вахтанговскому артист А. Лазарев. Его Виктор не холодный, не шаблонный, а настоящий, из своей жизни человек, полнокровный, срываям и грубыми ошибками и в то же время проницательными внутренними силами для проясления их: в этой битве с самим собой, в которой Виктор — «Давиду удалось» — только и темперментно «оскрыть» внутреннюю сущность своего героя.

Великолепен А. Ханов. Актер играет без напряжения, он изобретателен и находчив, скупрудно дополняя и раскрывая драму даже в тех сценах, где на долю Сергеева вовсе не отпущено слов. Каждая мелочь, каждая деталь — как выдают они в Сергеева мелочью, особенно если вспомнить и его благородную сдержанность, и коммунистическую застенчивость. Разве Ханов своей игрой не убеждает, что не нужны спектаклю ни хор, ни все излишние сложности. Актер сам может нарисовать психологический портрет своего героя.

О других исполнителях можно сказать, что они достаточно хороши, а в ряде случаев играют, что называется, с огоньком.

Вот, пожалуй, и все, на что мне, артисту, хотелось бы обратить внимание.

В. АНДРЕЕВ, экономист МГК Стройбанка СССР.

С. Зайкову. Они сумели глубоко и тонко, непосредственно и горячо передать замысел автора пьесы и создателя спектакля. Нельзя не отметить образ Сергеева, созданный А. Хановым. Это действительно Бать, человек — большой бумаж, притягивающий к себе сердца.

Такие люди всегда в первых рядах, они помогают нашим большим делам.

В спектакле есть сценическое изобретение, есть блестящие режиссерские находки. Свадьба Валл с Сергеем, пляска Виктора у костра, разговор Валл с картиной Сергея и много других удачных сцен остаются в памяти зрительского зрителя. Вызволнованного потому, что зритель на спектакле Охлопкова все время живет вместе с действующими лицами, смеется и плачет вместе с ними, радуется и негодуется. Зритель принимает активное участие во всем происходящем на сцене. В этом большая заслуга театра.

Спектакль должен расти

Спектакль Академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Все остаетеся людьми», поставленный режиссером Л. Вильямом и А. Даусоном, смотрится с несомненным интересом. Вызывает оживленные споры и, это, конечно, хорошо. Но, несмотря на ряд удач, как в пьесе, так и в спектакле есть уязвимые места.

В лице академика Дронова драматург С. Андреев изобразил большого советского ученого, талантливейшего изобретателя, настоящего общественного деятеля, одного из тех, кто проложил человечеству путь в космос. Во многом это удалось. Но зачем драматургу понадобилось делать своего героя смертельно больным, умирающим? Ведь тем самым он почти выключает его из острой борьбы, разорвавшейся вокруг его же собственного изобретения — космического двигателя.

Нам, зрителям, которым хочется восхищаться академиком Дроновым, изобретателем, его его научной деятельностью, приходится жалеть его, соболезновать ему. Да и спор, который ведет Дронов со священником Сергеевым, написан автором так, что искусство сценических, хитроумных доводами поэта ученым не противопоставляет асеро могущества материалистического, атеистического мировоззрения. Вот почему и в пьесе, и в спектакле дело выигрывает отчасти так, что академик не одерживает, а «берет» победу. Наконец, просто непонятно, что может обозначить слияние передового советского ученого, депутата Верховного Совета и поэта, если даже последний искренне исповедует свои религиозные взгляды.

Н. Чернышев как очень большой мастер интересно исполняет роль академика Дронова, достигая настоящего перевоплощения. Но зритель старшего поколения, к которым принадлежит и в котором знают работу Чернышева на сцене и в кино, Дронов-Чернышев не вызывает абсолютного восторга. С какими-то черточками Чернышевского академика Дронова мы уже встречали в образах, созданных артистом ранее в театре и кино.

И это жаль. Несмотря на интересные, полнокровные образы центральных героев, таких, как академик Дронов в исполнении Чернышева, молодой ученый Вильям, которого играет П. Крымов, в спектакле возрастает роль послесценического ансамбля, очевидно потому, что режиссер не добивается такой же выразительности от исполнителей, играющих второстепенных действующих лиц.

Мне думается, что спектаклю «Все остаетеся людьми», спектаклю интересному и нужному, необходимо еще расти, чтобы стать по-настоящему волевым произведением о советских людях, о наших учениках.

И. РАЗАНЕЦКИЙ, инженер.

ЛЕНИНГРАД

ЗРИТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ

СОЛДАТ МИРА

ВСЕМИРНЫЙ фестиваль молодежи. Москва. Магическая площадь. При свете факелов волнуется человеческое море. Здесь юность мира — молодежь всех стран и континентов. Здесь будущее человечества.

Речи, полные страсти и гнева, гремят над площадью. В словах людей — протест против ужасов войны, протест против несправедливости, протест против «Мир, дружба!» — скандирует многоголосый, разноязыкий хор. Мир, дружба, процветание — вот то, о чем мечтает, за что борется молодежь мира.

И как символ борьбы, как призыв, над возмущенной массой людей — большое панно: толпа единым усилием сбрасывает в море тяжелую машину танка, бесцельно задрожав в небе тугое и злобное жерло пушки. Тут разные люди: грустные и наивные, а дальше — музыкальные спланы и рабочие пенки. Берется доверять и матерские рыбы. Это разные люди, но сейчас они едины — они обним усилием, мощным и гневным поводом сбрасывают в море машину смерти, тонят угрозу войны.

«Танки — на дно!» — замыслил этот увещательный до огромных размеров рисунок, и люди поднимали его как символ борьбы за мир не только на Московском фестивале. Его, как транспарант, несли демонстранты в Италии, японские забастовщики переносывали его на свои лад...

Автор этого рисунка — советский художник Борис Пророков.

Имянина серия Пророкова «Это не должно повториться!» подготовлена всем продуманным его творчеством. Жизнь и творчество Бориса Пророкова составляют одно целое, и, пожалуй, не найти более целесообразной, более выразительной жизни. Когда теперь один за другим смотрим рисунки Пророкова, его плакаты и знаменитые уже серию и циклы, то ясно представляется «этаты большого пути» художника и еще органичнее и целостнее вырисовывается самая замечательная его работа — серия «Это не должно повториться!».

Ученые выдающегося революционного художника Дмитрия Моора, Пророков воспринял у своего учителя лучшие качества: непоколебимость публицистского и политического бойца. Работа в прессе стала для него школой публицистики и наполнила его первые карикатуры и рисунки задором и остротой. В «Босфорской правде» Пророков получил боевую закалку. Пристальный взгляд художника-публициста слезла за международными событиями. А события нарастали. Уже сражался республиканская Испания; у оера Хасан получила отпор японская военизация, фашизм амплывал на логова.

Когда грянула война, Пророков пошел на фронт и воювал на одном из трурепешных его участков, ставшем легендой — полуострове Ланко. Несколко месяцев, отрезанный от основных сил, окруженный врагами с моря, суши и воздуха, сражался героически партизан. И здесь, в подвале полуразрушенного дома, под бомбами и снарядами, регулярно выходила газета «Красный Гангут». В каждом номере печатались рисунки и карикатуры Пророкова. Было немыслимо трудно, но Гангут — так полуостров назывался еще при Петре — Гангут смеялся. Бойцы клеймили презренным врага, и от этого прибавало сил и уверенности в победе.

Когда барон Маннергейм пробовал уговорить гангутцев прекратить сопротивление. Пророков и поэт Михаил Дудин сочинили знаменитый «Отчет Маннергейму». Сделана шутка сопровождалась зловещим рисунком, и все вместе действовало уничтожающе. Бойцам нравилась шутка с отчетом Маннергейму — бойцы знали, что он сражался тогда на Северном фронте.

На кораблях Балтийского флота, в непокоренном Ленинграде, на Черном море, под Новороссийском, на многих фронтах постигал художник науку неспешности. Он всматривался в лицо врага.

Наступил мир. Победа. Но мир нужно было защищать от врагов мира. Защищать человека.

Рисунки на улицах, где американские оккупанты смеялись аллюциями. Потрясенный художник видел собственными глазами, как американцы за доллар, за прокатный доллар, на потеху устраивали юрки изнуренных людей. Человек пологоним, человек — символ заокеанской демократии!

Цикл «Вот она! — Америка!» — трагический рассказ о стране, где властвуют полицейская диктатура. Человека здесь могут убить. Только за то, что он черный» (так называются один из рисунков серии), только за то, что он хочет жить и работать, мастером руит на нем одежду, добирался до города.

Махровский зло смеялся над страной, где царствует издатель. Средой его американский стиль есть одно — «Сибилле». Пожалуй, оно объединяет всех показывая лицо буржуазной цивилизации. В нем, смерти Махковский потрескивает, завыскивая истеричный художник над себе слова сделать рисунок по мотивам этого спектакля. И много лет спустя, он почувствовал себя в сдале подходить задумчивое — его рисунки объединены, символические образы предостерегают события сегодняшнего дня.

Искусство Пророкова публицистично и злободневно. Художник с четким несет сюжет «вперед смотрящего» — где бы ни шла борьба, его увидишь в первых рядах. Он привозит к числу трурепеш и бойцов. Своим искусством он служит интересам народа, интересам справедливости. Поэтому серия «Это не должно повториться!» появилась именно сейчас. Она появилась потому, что она нужна людям сегодня. Сегодня тручатся танки Гитлера, сегодня реваншисты получают в руки самое злое и убийственное оружие, сегодня совершаются злодеяния против прав и достоинства человека.

За каждым из десяти листов серии стоит пережитое. Потому каждый образ, несмотря на его обобщенную условность и символичность, наполнен осязаемой конкретностью, глубокой личным, близким каждому человеку переживанием.

В тетралогии художника, не сохранилась скучные записи военных лет, есть зарисовки победных, сделанные на улицах освобожденного Ленинграда. Здесь нет обезличенного рисунка, послужившего режиссу для первого листа серии «Голуби». Во все они, взятые вместе, позволяют художнику передать жестокость голодной смерти, грозящей голодом, голодному Ленинграду.

«Проклятые палачи!». Художник видел женщину, спавшую из горящего дома, злодеяние гитлеровских палачами. Она должна была спорить заживо! Ее запрокинутое

по изображению женщины — партизана, кормящая грудью ребенка. За плечом — винтовка; в грозные годы оружие сачицало утро человеческой жизни. Это русская женщина, дочь народа, на долю которого досталось больше всего бедствий, принесенных войной, народа, который победил. Поэтому и стоим мы на страже мира тверже и непоколебимее других!

Листы Пророкова групы и монументальны. Художник использует возможности, его не влечет рассказ. Он берет главное, берет нежно и властно и ставит себя лицом к лицу с правдой, с тем, что было. И легко твоей чести, твоей совести и достоинства — бороться, чтобы все это не повторилось снова!

Названо Борис Названович Пророков получил письмо от немечка студентов. То было одно из многих писем. Немецкие юноши, не знавшие ужасов войны, благодарили советского художника за его мужественный труд во имя мира и будущего, за то, что искусство пробуждало душевные силы, зовущие вперед. — К тому же, у нас инди газетное для людей.

Солдат мира!

В. КОРЕЦКИЙ, Ю. ХАЛАМИНСКИЙ.

Иркутская история — это не просто спектакль, это явление. Сюжет! Обязательно посмотрите! Смотрите, обязательно! — такие разговоры можно было слышать у рабочих и служащих комбината «Трехгорная мануфактура» в цехах, в обеденных перерывах, на территории фабрики и после работы между друзьями. И те, кто не смог, шли обязательно. А кто уже смотрел этот спектакль, часто шел вместе с товарищами еще раз. Коротко говоря, спектакль «Иркутская история» просмотрели тысячи рабочих, служащих комбината «Трехгорная мануфактура», просмотрели все Трехгорка.

Иркутская история — это не просто спектакль, это явление.

Меня порадовал спор изобретательного искусства, поставленный в этом году на соскивание Ленинских премий. Все, что следит за успехами наших художников, будут рады, что в числе представителей искусства — представители искусства; и будем в высокой мере удовлетворены, если лучше из них удостоится почетной награды — Ленинской премии.

Но не споро, вызывает чувство недоумения, что «наряд» в Ленинскую премию выдвинули отдельные работы, оторванные от действительности, от жизни, от искусства, от культуры, от народа. Помнится, весной прошлого года коллегам из Ленинского комитета, в своей статье, подводя итоги присуждению Ленинских премий, правильно сказал, что ныне организуемые недостаточно ответственно подошли к выдвиганию кандидатур на соскивание высшей награды художнику в Советской стране, что выдвигание порой проводилось без должной тщательности. К сожалению, то же самое мы наблюдаем и теперь.

Мое возражение вполне конкретно: не могу понять, почему Союз художников выдвинуло на премию картину И. Чернышева «Данная Черный и Андрей Рублев». Отлично помню эту картину по выставке «Советская Россия». Что в этом произведении такого, чтобы считать его одним из первейших в минувшем году созданий наших художников? Ну, хорошо, могу согласиться, что картина обращает на себя внимание необычным истолкованием образа великого художника русской древности, но, право, я не вижу большого пользы творческой мысли в том, чтобы наделять Рублева внешностью апостола с его владимирским фреском.

Да и к чему это ведет, возмущает ли это в наших глазах великого художника Древней Руси? В живописи Рублева, при всей условности древнерусских художественных канонических, выступают живое человеческое содержание. В том и слава великого мастера, непреодолимая ценность его искусства, что даже в отвлеченных формах религиозного искусства им претворены высокие представления о современной ему жизни, о иных людях; в его творчестве — светлый, большой мир человеческого счастья. Рублев воплотил тот дух молодости и надежды, который был свойствен его эпохе — эпохе начавшего становления русского государства, и в этом — одухотворенность его творчества. Скажу строгие каноны прорывались жизнью.

ДОСТОЙНО ЛИ ЭТО ПРЕМИИ?

Меня порадовал спор изобретательного искусства, поставленный в этом году на соскивание Ленинских премий. Все, что следит за успехами наших художников, будут рады, что в числе представителей искусства — представители искусства; и будем в высокой мере удовлетворены, если лучше из них удостоится почетной награды — Ленинской премии.

Но не споро, вызывает чувство недоумения, что «наряд» в Ленинскую премию выдвинули отдельные работы, оторванные от действительности, от жизни, от искусства, от культуры, от народа. Помнится, весной прошлого года коллегам из Ленинского комитета, в своей статье, подводя итоги присуждению Ленинских премий, правильно сказал, что ныне организуемые недостаточно ответственно подошли к выдвиганию кандидатур на соскивание высшей награды художнику в Советской стране, что выдвигание порой проводилось без должной тщательности. К сожалению, то же самое мы наблюдаем и теперь.

Мое возражение вполне конкретно: не могу понять, почему Союз художников выдвинуло на премию картину И. Чернышева «Данная Черный и Андрей Рублев». Отлично помню эту картину по выставке «Советская Россия». Что в этом произведении такого, чтобы считать его одним из первейших в минувшем году созданий наших художников? Ну, хорошо, могу согласиться, что картина обращает на себя внимание необычным истолкованием образа великого художника русской древности, но, право, я не вижу большого пользы творческой мысли в том, чтобы наделять Рублева внешностью апостола с его владимирским фреском.

Да и к чему это ведет, возмущает ли это в наших глазах великого художника Древней Руси? В живописи Рублева, при всей условности древнерусских художественных канонических, выступают живое человеческое содержание. В том и слава великого мастера, непреодолимая ценность его искусства, что даже в отвлеченных формах религиозного искусства им претворены высокие представления о современной ему жизни, о иных людях; в его творчестве — светлый, большой мир человеческого счастья. Рублев воплотил тот дух молодости и надежды, который был свойствен его эпохе — эпохе начавшего становления русского государства, и в этом — одухотворенность его творчества. Скажу строгие каноны прорывались жизнью.

Мы вызволены!

Почему же этот спектакль так сильно вызволен, почему он нашел такой живой отклик в человеческих сердцах? Вот об этом-то мне и хочется поговорить.

Драматург А. Арбузов написал замечательную пьесу, которую блестяще поставил и сыграл Валло (С. Мизери) в той сцене, где она трогательно разговаривает с портретом Сергея, одну, без назойливых помощников, которые летят по рукам и справа, и слева.

«Что человеку для счастья нужно? Чтобы дело его было хоть чуть-чуть лучше, чем он сам». Если человек настоящее дело выполняет, нужно делать и сам от него становится лучше, чем был. Люди не должны быть счастливы, это факт. Особенно те, которые коммунистически строят. Так говорил один из героев спектакля, Сергей Сергеевич. И мысль эти сквозной линией проходит через весь спектакль.

Режиссер пошел по правильному пути, заняв в постановке молодых исполнителей — С. Мизери, А. Лазарева, Э. Марцес.

ДОСТОЙНО ЛИ ЭТО ПРЕМИИ?

Меня порадовал спор изобретательного искусства, поставленный в этом году на соскивание Ленинских премий. Все, что следит за успехами наших художников, будут рады, что в числе представителей искусства — представители искусства; и будем в высокой мере удовлетворены, если лучше из них удостоится почетной награды — Ленинской премии.

Но не споро, вызывает чувство недоумения, что «наряд» в Ленинскую премию выдвинули отдельные работы, оторванные от действительности, от жизни, от искусства, от культуры, от народа. Помнится, весной прошлого года коллегам из Ленинского комитета, в своей статье, подводя итоги присуждению Ленинских премий, правильно сказал, что ныне организуемые недостаточно ответственно подошли к выдвиганию кандидатур на соскивание высшей награды художнику в Советской стране, что выдвигание порой проводилось без должной тщательности. К сожалению, то же самое мы наблюдаем и теперь.

Мое возражение вполне конкретно: не могу понять, почему Союз художников выдвинуло на премию картину И. Чернышева «Данная Черный и Андрей Рублев». Отлично помню эту картину по выставке «Советская Россия». Что в этом произведении такого, чтобы считать его одним из первейших в минувшем году созданий наших художников? Ну, хорошо, могу согласиться, что картина обращает на себя внимание необычным истолкованием образа великого художника русской древности, но, право, я не вижу большого пользы творческой мысли в том, чтобы наделять Рублева внешностью апостола с его владимирским фреском.

Да и к чему это ведет, возмущает ли это в наших глазах великого художника Древней Руси? В живописи Рублева, при всей условности древнерусских художественных канонических, выступают живое человеческое содержание. В том и слава великого мастера, непреодолимая ценность его искусства, что даже в отвлеченных формах религиозного искусства им претворены высокие представления о современной ему жизни, о иных людях; в его творчестве — светлый, большой мир человеческого счастья. Рублев воплотил тот дух молодости и надежды, который был свойствен его эпохе — эпохе начавшего становления русского государства, и в этом — одухотворенность его творчества. Скажу строгие каноны прорывались жизнью.

И. Чернышев, «Данная Черный и Андрей Руб

